



# ТАК ДОБЫВАЛАСЬ СОЛДАТСКАЯ СЛАВА

## Испытание огнем

Вгрызаясь в прокаленную летним зноем землю, последний опорный пункт вражеской обороны пытался удерживать высоты Таманского полуострова. За высотами море... Выбить. Во что бы то ни стало выбить противника, сбросить его в море, форсировать пролив, взять Керчь — ключ к Крыму. Таков был приказ командования, данный Армянской дивизии, входившей в состав 18-й армии.

В прохладном тумане занимался сентябрьский рассвет. Темнеющие впереди высоты изредка прочерчивали кинжальные огни пулеметных очередей. Мертвящим светом сгорали в небе «подвески», озаряя наши позиции.

Командир минометного расчета, младший сержант, комсомолец Исаак Караханян на секунду смежил веки. И тут же в памяти выплыло родное село Чайкенд, родной дом. Как там? Как отец и мать, младший братишка? Справляются ли они с хозяйством? Старший брат Манас погиб в Белоруссии, средний Петрос — шахтер. В колхозе остались женщины, дети да старики. Мысли о родном доме были прерваны грохотом канонады. Началась артподготовка. Упреждая противника, наша армия готовилась к решительному наступлению. Ожили траншеи, застучали пулеметы. Над высотами дыбили огненные столбы. Караханян видел, как пехотинцы батальона, готовящиеся к атаке, были прижаты интенсивным огнем противника. Нужно выдвинуться вперед, засечь огневые точки, уничтожить их. Он кинулся к командиру взвода, коротко доложил о своем замысле.

— Где укроетесь?

— В воронке. Вон она.

— Действуйте!

Одна минута на разборку миномета, бросок, еще бросок, и они в воронке. Быстро расчистили площадку на дне, установили миномет, несколько секунд на прицел, и вот уже одна за другой мины летят во вражеские укрытия, откуда били три миномета. Один за другим замолкают они. Пехотинцы поднимаются в атаку. Расчет Караханяна движется за ними. В обороне пробита брешь. В нее устремляется вторая стрелковая рота, а за нею и весь батальон. Валамывая оборону, во вражеские окопы врываются бойцы Армянской дивизии.

К вечеру торжествующее «ура» гремит над высотами, с которых видны просторы Черного моря. Один месяц отдыха после тяжелых изнурительных боев. Пополнение, подготовка. И новый бросок вперед. Под прикрытием ночи сотни катеров, понтонов, плотов устремляются через пролив. Тысячами ракет противника, полосами трассирующих пуль, взрывами авиабомб и снарядов озаряется переправа. На глазах Караханяна гибли товарищи и друзья. Их расчету повезло,

все семеро были живы. Метрах в ста до берега раздаётся команда!

— В воду!

В воде безопаснее. С разобранными деталями миномета в руках, по плечи в воде они добираются до берега, бросаются туда, где батальон уже ведет бой.

После взятия Керчи приказом верховного главнокомандования Армянской дивизии присваивается почетное наименование Таманской. Много награжденных за освобождение Таманского полуострова и взятие Керчи. Среди отважных и фамилия комсомольца Исаака Караханяна, удостоенного ордена Славы третьей степени.

## Сапун-гора

Весна сорок четвертого выдалась хмурая, дождливая. Вражеская армия, зажата в клещи наших войск в Севастополе и вокруг на высотах, отбивалась с отчаянием обреченных.

Склоны Сапун-горы, с трех сторон почти отвесно падающие вниз, сейчас проросли жухлым низкорослым ковылем. Нафаршированные осколками мин и снарядов, они и поныне остаются бесплодными.

Тогда в сорок четвертом здесь не умолкая грохотала артиллерия, наша авиация массированными налетами громила долговременные укрепления противника, пробивая дорогу пехоте. Сколько раз солдаты поднимались в атаку, карабкаясь по крутым и скользким склонам. Но встреченные с вершины огнем крупнокалиберных пулеметов, автоматов, теряя лучших друзей и товарищей, откатывались назад.

В одном из таких боев, тяжело раненый командир минометного взвода лейтенант Кочарян подозвал к себе Караханяна.

— Принимай, брат, командование взводом...

И замолчал. Струйка крови показалась в уголке его губ. Стиснув зубы, стирая с лица грязь, а с нею и скупую солдатскую слезу, Караханян поклялся отомстить за командира.

Двадцатитрехлетний Исаак Караханян оказался волевым, собранным, отлично и быстро ориентирующимся в обстановке командиром. Двигаясь за пехотой, прикрывая ее огнем минометов, взвод Караханяна одним из первых с фланга прорвался вместе с героическим батальоном к вражеским позициям.

— Вперед! — То тут, то там слышался его сильный голос. В пылу боя он не заметил чиркнувшую по каске пулю. Только что-то горячее стало заливать глаза и правую щеку.

— Вы ранены! — крикнул ему наводчик расчета Ашот Апресян.

Сняв каску, Караханян вытер кровь, быстро забинтовал голову и продолжал вести бой.

Словно морской прибой, вокруг нарастало громкое, ликующее «ура» на вершине Сапун-горы. Над искореженными дотами развевалось алое знамя полка.

Потом ожесточенные бои за Севастополь. И вот он, ос-

вобожденный город-герой, а за ним синее море до горизонта Черное море.

За личную храбрость и отвагу, проявленные в боях на подступах к Севастополю и освобождение от фашистских захватчиков города-героя, младший сержант Исаак Караханян был награжден орденом Славы второй степени, который лично вручал ему командующий Отдельной Приморской армией генерал Еременко.

## Со смертью на «ты»

Советская Армия-освободительница с боями шла по Европе, продвигаясь к логову фашистского зверя — Берлину. Старший сержант Исаак Караханян к этому времени уже был секретарем комсомольской организации батальона. Личным примером бесстрашия он увлекал за собою солдат при взятии Варшавы.

И вот, наконец, немецкая земля. Одер. Перед Таманской дивизией поставлена боевая задача: форсировать Одер. Два полка дивизии решительным броском, под прикрытием артиллерии и авиации форсируют реку, теснят противника, занимая плацдарм шириною в пять километров и глубиною в четыреста метров. Идут ожесточенные бои. За двое суток противник раз двенадцать поднимался в атаку. В контратаку идут и наши. Удержать, во что бы то ни стало удержать плацдарм до подхода наших основных сил. Минометная рота батальона майора Симоняна находится на направлении главного удара. От выдержки, решительных действий пехотинцев и минометчиков во многом зависит исход боя. Караханян на самых опасных участках передовой. Но вот во время боя, он чутким ухом улавливает как один из минометных расчетов внезапно замолчал. Первая мысль: накрыли. Весь расчет уничтожен. Под свист вражеских пуль и разрывы мин он бросается к месту, где в укрытии находится расчет миномета. Но что это? Миномет цел, ствол смотрит в небо, готов к бою. Вокруг ни убитых, ни раненых. И вдруг голос наводчика Апресяна из-за укрытия:

— Товарищ старший сержант!.. В стволе застряла мина.

Караханян знает, что это такое. В любую минуту она может взорваться. Только прикоснись к стволу. А что делать? По пехоте противник ведет ожесточенный пулеметно-минометный огонь, прижимая ее к земле. И Караханян командует:

— Всем находиться в укрытии!

Осторожно приближается к миномету, еще более осторожным движением левой ладони берет ствол и медленно наклоняет его, подставив правую ладонь навстречу выходящей из ствола мины. Холодный пот выступает на лбу Караханяна. Вот она, смерть с тупым рылом, уже на ладони. Так пусть ее получат те, кому она предназначена. Нет, она может снова не взорваться. Стабилизатор не сработал. Лучше заменить ее другой. Он передает мину подносчику Киракосяну.

— Иди в тыл. Взорви там. — И уже властно: — Расчет к бою!

Одна секунда на прицел, и снова раздается его команда:

— По огневым точкам противника — огонь!

На вражеских позициях гремят взрывы. И когда поднимается в атаку пехота, Караханян уже с нею. С автоматом на груди стремительными бросками приближается к окопам противника. Справа бьет ручной пулемет Толя Руденко. Перед самым боем Толя подал заявление в комсомол. Некогда было оформить прием. Решили собрание провести после боя. Стучат короткие очереди пулемета Руденко, кося бегущих фашистов. Но вот пулемет замолчал. Караханян глянул в его сторону. Толя лежит у кустов широко раскинув руки. Убит? Караханян бросается к нему. Нет, он еще жив. Бледное лицо.

— В санбат!

Схватив ручной пулемет Толя Руденко, он метнулся в сторону, залег за камни и яростно стал поливать огнем из пулемета идущие в атаку грязно-зеленые шинели.

Золотой орден Славы первой степени Исаак Караханян получил уже в Москве, после Победы в торжественной обстановке вместе с такими же героями — кавалерами трех орденов солдатской Славы.

**СТЕХ** ПОР минуло почти тридцать лет. Передо мною сидит пожилой человек с черными, как смоль, волосами, обильно припорошенными серебром сединами. Отец четверых детей. Его старший сын, аспирант-математик, проживает в Москве, второй сын, артиллерист, служит в Белоруссии, третий сын учится, дочь работает в Ереванском университете. Киваю на орден Отечественной войны первой степени.

— За что? — спрашиваю героя.

Исаак Погосович секунду молчит, как бы вспоминая прошедшее, спокойно, с улыбкой отвечает:

— По пути в Берлин. Три самоходки выскочили из-под моста и давай бить по нас. Мне угодил осколок в правый бок. Кое-как перевязал, поддерживая правой рукой, взял связку противотанковых гранат и пополз навстречу им. Первую подбил. Она завертелась, вспыхнула, а остальные две удрали. Ну да и за другие дела.

Полный кавалер орденов Славы, коммунист Исаак Погосович Караханян и поныне остается солдатом на передовой нашей мирной жизни. Он не утомим. Часто выступает перед молодыми солдатами, перед заводской и колхозной молодежью, рассказывая о своей боевой юности, о своих героях-друзьях, о живых и тех, кто пал в боях за наш счастливый сегодняшний день.

Михаил ОВЧИННИКОВ.